

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Бонга Кониор – Теория тёмного леса в интернете

Бонга Кониор

2020

Бонга Кониор
Бонга Кониор – Теория тёмного леса в интернете
2020

flugschriften.com

Опубликовано энтузиастами с телеграмм канала:
https://t.me/NetSquxd_inc Переведено с помощью ИИ
(DeepL Pro). Решение по ознакомлению с данным
материалом остаётся за читателем.

ru.anarchistlibraries.net

ТЕОРИЯ ТЕМНОГО ЛЕСА В ИНТЕРНЕТЕ © 2020 Бонга
Кониор

Эта работа лицензирована в соответствии с Creative Commons Attribution-NonCommercial-Share Alike 4.0 International License, что означает, что вы можете свободно копировать и распространять материал на любом носителе или в любом формате, а также переделывать, трансформировать и создавать на основе материала, при условии, что вы четко указываете авторство работы (но не таким образом, чтобы это свидетельствовало о том, что авторы или Flugschriften одобряют вас и вашу работу), вы не используете эту работу для коммерческой выгоды в любой форме, и что при любом переделывании и трансформации вы распространяете свою переделку по той же лицензии.

Впервые опубликовано в 2020 году издательством Flugschriften Pittsburgh and New York flugschriften.com.

Flugschriften возрождает давнюю традицию памфлетов XVI века — или «летающих сочинений», — давая гетеродоксальным, экспериментальным и вызывающим сочинениям пару крыльев, с помощью которых они могут найти читателей-единомышленников. Flugschriften публикует короткие, резкие удары по системе — будь то политическая система, литературная система, академическая система или нервная система человека.

ISBN-13: 978-1-7335365-5-4

«Куда мы идем?» спросил Ши Цян.

«В самое темное место».¹

Есть одна загадка на языке чичуа. El que te nombra, te rompe. Кто меня назовет, тот меня ломает. Решение, конечно же, «молчание». Но правда в том, что любой, кто знает ваше имя, может сломать вас пополам.²

Интернет — это темный лес. Корни растут вверх, крона тянется вниз:

окутывая планету, интернет циркулирует между спутниками и подводными кабелями. Да, интернет — это осязаемое пространство, но также и ментальный простор. Он создан для лунатизма, для обыденного бреда. Для жертвенных ритуалов. Люди теряются в нем, света не туда, куда нужно, раскрывая слишком много о себе, общаясь импульсивно, безрассудно.

Вы можете войти не только через интерфейс, но и через карман. Вы можете войти через экран, но взамен вы должны экранировать что-то свое.

Путник, вошедший в лес, никогда не бывает один, глаза обволакивают его, как изоляционная лента.

На входе в интернет нужно ответить на одну простую загадку:

Что у вас на уме?

19 Вирилио, Пол, *Скорость и политика*, перевод. Marc Polizzotti, Semiotext(e), Los Angeles, 2007, p. 130.

20 Батай, Жорж, «Понятие расхода», Stoekl, Allan (ed.), *Visions of Excess:*

Selected Writings 1927-1939, trans. Allan Stoekl, Carl R. Lovitt and Donald M.

Leslie, Jr., p. 128.

цивилизация во Вселенной была упрощена до одной точки. На пике своей популярности он запрограммировал 350 000 цивилизаций в радиусе ста тысяч световых лет и заставил свой 286-й компьютер часами работать над расчетом эволюции этих цивилизаций. Хотя окончательный вывод программы был несколько наивным, он стал основой и формой его мировоззрения». Это отрывок из журнала «Пereгрин», цитируется по:

Vandermeer, Ann & Vandermeer, Jeff (eds.), *The Big Book of Science Fiction*, Vintage Books, Penguin Random House LLC, New York, 2016. Цифровое издание.

11 Там же.

12 Лю, Цысинь, *Конец смерти*, перевод. Ken Liu, Tom Doherty Associates (Tor Books), New York, 2016. Цифровое издание.

13 Мартеллони, Джанлука, Ди Патти, Франческа, Барди, Уго, «Анализ паттернов мировых конфликтов за последние 600 лет», *arXiv, e-prints*, 2018, <https://arxiv.org/abs/1812.08071>.

14 Лю, «Темный лес».

15 Фишер, Марк, *Призраки моей жизни: Writings on Depression, Hauntology, and Lost Futures*, Zero Books, Winchester, UK, 2014. Цифровое издание.

16 Лю, «Темный лес».

17 Лиготти, Томас, «Маленькие лекции профессора Никто о сверхъестественном ужасе», *Песнь мертвого сновидца* и Grimscibe, Penguin Classics, New York, 2011. Цифровое издание.

18 Вивейрос де Кастро, Эдуардо, *Метафизика каннибалов: For a Post-Structural Anthropology*, Skafish, Peter (ed. and trans.), Univocal Publishing, Minneapolis, Minnesota, 2014, p. 152. См. также: Willerslev, Rane, *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs*, Berkley, University of California Press, 2007.

Это загадка, на которую мы должны отвечать снова и снова. Простой вопрос. Что у вас на уме?

Приглашение к общению.

В 1990-х годах философское прочтение киберпанковского романа Марком Фишером дало нам убедительную теорию киберпространства как протеза человека, кибернетической природы, продолжения человеческой нервной системы. По Фишеру, подобно персонажам классического киберпанка Уильяма Гибсона «Нейромант», мы одержимы Интернетом; мы живы лишь настолько, насколько жив цифровой ток, циркулирующий в наших венах. Мы лишены воли и инертны, как машины, с которыми мы вступаем в нейрологическую близость, позволяя им взламывать наши эндорфиновые каналы и социальные импульсы, пристрастившись к их стимуляторам. Наши невроты, эмоции и внимание упорядочены компьютерами. Словно в трансе, мы следуем передаваемому нам коллективному шаблону чувств — коллективному гипнозу, чувству общего возмущения, страха, гнева, радости, катарсиса, справедливости, мести, удовольствия. В режиме онлайн все безличные события в мире переживаются как сугубо личные, даже если мы не играем в них никакой роли. Мы интернализируем все, пытаемся увидеть за пределами себя, увидеть механизмы, которые не сосредоточены на нас. Интернет — это клаустрофобия внутренности, которая только кажется нашим. Она «работает не путем подавления или репрессий, а через процесс участия... [Она] не представляет общественное мнение и даже не «манипулирует» им, а подменяет его»³ Все действия — это реакции, предсказуемые реакции, бесконечные нервные системы, раскачивающиеся в одном и том же ритме.

Большинство человеческих страданий проистекает из преувеличенной веры в свою силу и цель — веры, которую усиливает персонализированный аспект Web 2.0. «Что нуж-

но сделать и кто я?» — вот вопрос, который он постоянно задает нам, как будто ответ на него имеет значение. Что у меня на уме? Где находится мой разум? Является ли то, что я вижу на экране, выражением моего разума? Философия цифровой культуры вечно разрывается между двумя перегибами: объявить интернет благословенным местом продуктивной шизофрении, где мы теряем собственную значимость ради общения с миром, или, напротив, осудить его как нарциссический бред, где все, что мы делаем, укрепляет нашу значимость. ☒ Бенджамин Браттон уловил этот современный парадокс, заметив, что «паранойя и нарциссизм — это... две функции одной маски». ☒ Что нужно делать и кто я такой?

С одной стороны, мы чувствуем себя плюрализированными, составными, коллективными, нас постоянно потрясает разнообразие человеческих натур, обнаженных на наших экранах, мы чувствуем себя причастными к судьбе других. Но инаковости слишком много, и мы решаем не доверять ей. Этот угрожающий хаос сжимает стены вокруг «я», вместо того чтобы растворить его в столкновении с другим. Поселяется эпистемологическая паранойя — что есть истина? Кто на моей стороне? Где моя сторона?

С другой стороны, нам продают иллюзорную целостность мира и свободу воли, агентность, причинность, этику. Все кажется личным, даже судьба мира, который предстает перед нами как единый, общий мир, упорядоченный вместе с нашими индивидуализированными новостными лентами. Кажется, что нет ничего вне этого повествования, которое охватывает все, но, тем не менее, сосредоточено на нас. Каждый из миллионов пользователей ежедневно получает информацию о глобальных, космических задачах через якобы уникальные индивидуальные ленты, которые передают одну и ту же информацию.

скрывается за густым туманом субъективности — автоматический процесс извлечения, который сводит каждого из нас к сложности, которую мы генерируем, измеряя наш энтропийный потенциал, играя один узел против другого, создавая модели беспорядка. В этом лесу лучше молчать или готовиться к конфликту.

Что у вас на уме?

Примечания:

1 Лю, Цысинь, *Темный лес*, перевод. Джоэл Мартинсен, Том Доэрти Associates (Tor Books), New York, 2015. Цифровое издание.

2 Мачадо, Кармен Мария, *В доме мечты*, Graywolf Press, Миннеаполис, 2019. Цифровое издание.

3 Фишер, Марк, *Плоские конструкции: Gothic Materialism and Cybernetic Theory-Fiction*, Exmilitary Press, New York, 2018.

4 Это Фишер обсуждает пример Жана Бодрийяра с опросом общественного мнения, но я думаю, что он утверждает, что это применимо к киберпространству в целом. (Fisher, *Flatline Constructs*, p. 24).

5 Одним из примеров этой продолжающейся дискуссии является хайдеггеринское осуждение Вилемом Флюссером цифрового оптимизма Бьунг-Чулом Ханом, в: Han, *Buong-Chul*, *In the Swarm: Digital Prospects*, trans. Erik Butler, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2017, p. 37-43.

6 Браттон, Бенджамин, «Черный стек», журнал *e-flux*, no. 53, 2014, p. 9 7 Ферранте, Елена, Франтумалья: Путешествие писателя, перевод. Энн Голдштейн, Издательство «Текст», Мельбурн, Австралия, 2016. Цифровое издание.

8 Лю, «Темный лес».

9 Fisher, *Flatline Constructs*, p. 17.

10 Лю, «Темный лес». Кроме того, «в начале 1990-х годов Цысинь Лю написал программу, в которой каждая разумная

кто мы есть. Солидарность и доброжелательность существуют, но обычно они защищают одну группу от другой, и поэтому даже лучшие стороны человеческой природы оплачиваются энтропией и конфликтом, который приводит к (символическому или реальному) уничтожению другого.

Некоторые философы, например Жорж Батай, считали, что от избытка можно избавиться другим способом, что можно использовать этот глубинный конфликт. Его вакхическая, анархическая концепция траты «может быть определена как нелогичный и непреодолимый импульс к отказу от материальных или моральных благ [которые могли бы быть использованы] рационально», так что то, что допускается в социальный порядок, приобретает смысл и ценность «только тогда, когда упорядоченные и сдержанные силы освобождают и теряют себя ради целей, которые не могут быть подчинены ничему, что можно объяснить»² ❑ Разрушение материальных благ и подчинение бесчеловечному хаосу — это формы энтропии, которые, по его мнению, могут высвободить часть энергии, циркулирующей в сложной социальной сети. Но некоторая форма разрушения оставалась необходимой даже для Батая.

Человечество — это форма энергии — как и все формы энергии — которая отвечает энтропии. Рамки «Темного леса» подходят как для теории межгалактических игр, так и для персонализированной коммуникации в Web 2.0. Мы галлюцинируем себя в его механизме, но процесс мало заботится о себе. Интерфейс леса может хорошо нас читать, его растения выделяют умиротворяющий галлюциногенный газ субъективности. Каждый узел кибернетической цепи подозрений, поддерживаемый коммуникативным интерфейсом, спрашивает себя: Что нужно делать и кто я такой? Мы отвечаем на эти вопросы снова и снова, используя все более сложные интерфейсы. Как только темный лес приходит в движение, мы можем не заметить, что

Каждый новый носитель информации одновременно расширяет и разрушает человеческое эго, показывая нам все большую часть Вселенной, а затем стремительно сводя все это к нам. Каждое поколение вынуждено заново убеждаться в этом ужасе и обнаруживать, что оно бессильно ❑. Чем больше мир можно описать с помощью теории сложности и эмерджентного внечеловеческого поведения, чем больше наука говорит нам, что такие понятия, как свобода воли и причинность, могут быть шаткими, тем более догматично люди вновь утверждают подробные текстовые описания индивидуальных мыслей и морали в качестве панического решения. В тюрьме внутренностей, которой является Интернет, все зависит от нас, но ни один из нас не может добиться желаемых перемен. Неудивительно, что в основе этого парадокса лежит невроз: все интернализовано, даже погода и судьба планеты зависят от нас, и все же мы можем делать только то, что позволяет нам среда — экстернализоваться, общаться.

«Я могу выбрать общение с вами».

«Если вы это сделаете, то должны знать, какую цену вы за это заплатите: Вы открыли мне свое существование» ❑

Теория интернета «Темный лес» — это трагедия коммуникации, ее принудительность, необходимость, тщетность и риск. Это эксперимент с «жестким выживальческим гипернигилизмом» ❑, в котором моделью для киберпространства служит метафизическая фантастика, а не киберпанк. Там, где Марк Фишер хотел передать уникальность интернета, я стремлюсь описать его всеобщность на космическом уровне. Я хочу понять жестокость нашей ситуации: коммуникация — это принуждение, и в то же время она является источником конфликта.

Китайский писатель-фантаст Лю Цысинь развивает свою теорию темного леса в трилогии «Воспоминание о прошлом Земли» как ответ на парадокс Ферми: если

нас окружает жизнь, то почему Вселенная молчит? Разве вся Вселенная не должна быть шумной социальной сетью, где каждый борется за внимание другого? Теория темного леса переворачивает основное предположение, объясняя, что общение, поскольку оно открывает наше существование другим, является признаком глупости, а не интеллекта. Это происходит не потому, что все инопланетные цивилизации враждебны, а потому, что законы Вселенной требуют смертельного конфликта между всеми цивилизациями, живущими в одном измерении.

Выживание — главная потребность всех цивилизаций. Они расширяются, и их потребность ресурсов растет, но общее количество материи в космосе остается неизменным. «Экспоненциалы — это дьяволы

математики»¹ — если жизнь продолжает расти и жаждет своего существования, а ресурсы не расширяются, за них н у ж н о бороться. «Всей Вселенной выпала эта мертвая рука»¹¹.

Вселенная — это поле боя, существование — это война. Во тьме вселенной обитает множество цивилизаций, каждая из которых является одновременно и охотником, и добычей. В этой тьме лучше молчать. Общение может привлечь внимание другой цивилизации. Когда они заметят друг друга, одна безвозвратно погибнет от руки другой. Кто умнее, тот молчит или нападает первым. Почему такое жестокое решение? Учитывая ограниченность ресурсов, предполагать доброжелательность другого — слишком большая авантюра в рамках «космической цепи подозрений», где межкосмическая связь неизбежно рискованна. У инопланетян может быть совсем другое определение истины, этики или общего блага. Конечно, вы можете быть «доброжелательными», как я это понимаю, но разве я риску целым планетарным обществом, исходя из этого предположения?

вое «сообщество», если не изощренная форма взаимного уничтожения, зависшая между неврозом и нарциссизмом, привязанная к неоспоримой потребности в общении?

*Безумие, хаос, эротический вандализм, бесчисленные опустошения, в то время, как мы кричим и погибаем: история облизывает палец и переворачивает страницу.*¹ —

Символически и материально существование — это конфликт, разлад, порождающий сложность. Теория темного леса обобщает на космическом уровне энтропийную природу коммуникации. Ее деревья прорастают корнями повсюду. Мы патрулируем лес, прислушиваясь к шагам друг друга, все мы — охотники и добыча.

В некоторых онтологиях индейцев хищничество, война и канныализм лежат в основе отношений между людьми и другими видами. «В Амазонии шаманизм столь же жесток, сколь война сверхъестественна. Оба они сохраняют связь с охотой как моделью перспективного агонизма... отмеченного глубокой убежденностью в том, что любая жизненная активность является формой хищнической экспансии»¹ — Существовать как растение или животное — значит быть в конфликте, определяемом потреблением, материальной и духовной войной, где один вид может завладеть телом и разумом другого. Охотник и добыча. Энтропия покоится на необходимом потреблении других душ. На «другом» конце духовного спектра христианский теолог Пьер Тейяр де Шарден признает, что конфликт метафизически необходим человеческой природе; это «органический феномен антропогенеза», когда человечество поднимается только в конфликте с другими.¹ — Люди охотятся друг на друга.

Трение порождает смысл в цикле обратной связи, так же как мнения часто формируются при отрицании существующей реальности, взаимозависимо делая нас теми,

В космическом темном лесу те, кто говорит, играют с энтропией — притягивают взгляды, провоцируют нападения. Другие сосредоточены на превентивных ударах: атакуйте до того, как они атакуют вас. Лю оптимистично полагает, что для людей в отличие от инопланетных обществ, которые слишком метафизически удалены, чтобы эффективно общаться, цепочка подозрений «удлинится лишь на один-два уровня, прежде чем разрешится через общение»¹ ❏ Но это предполагает, что общение между людьми будет правдивым. Вот почему выяснение истины — главная паранойя Интернета: что она на самом деле думает; но кто они на самом деле, под чем они скрываются, сами того не подозревая, — как и бесконечные интерпретации, саморазоблачения и заявления, чтобы не было сомнений в намерениях другого или наших собственных. Если бы мы только описывали вещи достаточно ясно, если бы мы только общались без усталости, чрезмерно, тогда, конечно, мы могли бы доказать свою благосклонность и освободиться от цепи подозрений. И вот, каждый обмен мнениями рассчитан на максимальную ясность, чтобы упредить допрос, но, тем не менее, требует бесконечных отказов от ответственности. Связь порождает сложность, сложность порождает конфликт: самоподдерживающийся механизм.

Но энтропия течет и через нас. Дезинтеграция безвкусна, предсказуема, мягко укладывает нас на дно. Каждая система колеблется между порядком и хаосом. В тюрьме внутренностей, которой является интернет, всегда нужно кого-то отбросить: направить энтропию прочь от себя, к другому.

Закомплексованность в спорах, в человеческих группах растет до тех пор, пока ее не становится слишком много, и приходится чем-то жертвовать, чтобы вернуться к недолговечному равновесию, где еще можно поддерживать иллюзию благожелательного общения. Что такое любое сете-

А вы бы рискнули своим, предоставив мне возможность объяснить вам мое представление о «доброжелательности»? А что, если один из нас лжет?

Взаимозависимое поведение быстро усложняется, но результат безжалостно неизменен: один из нас умрет. В этой трилогии рассматриваются различные сценарии, которые могли бы предотвратить такой исход, и в итоге все они опровергаются. Человечество делает это монументальное научное открытие с опозданием, но для космических цивилизаций теория темного леса является такой же фундаментальной как и любой другой закон физики. Он автоматизирован, неререфлективен, не зависит от эмоций, воли или этики. «Энтропия во Вселенной возрастает, а порядок убывает... Что касается какого-либо смысла, превышающего этот, то о нем бессмысленно думать»¹². Кто-то может возразить против холодного расчета теории темного леса Лю. И все же она не что иное, как обобщение законов физики для создания теории космических игр в развитии цивилизаций. Предположение о том, что все существование находится между конатусом и энтропией, подтверждает законы, которым подчиняется человечество, как и любая другая форма сложности. (В понятии энтропии, которое дает статистическая механика, многие системы, будь то биологические или социальные, могут быть поняты с помощью тех же инструментов, которые мы используем для понимания энтропии в физике. Любая изолированная система стремится к беспорядку — высокоэнтропийному варианту. Так или иначе, конфликт и диссипация энергии вплетены в ткань существования. Это вопрос «как» и «когда», а не «если». Недавний анализ более чем шестисотлетней истории человечества подтверждает, что каждая «человеческая система» должна избавиться от собственного избытка; с ростом сложности растет и энтропия. «Война — это просто один из методов, которым система распо-

лагает для рассеивания энтропии с максимально возможной скоростью.»¹³ Рассеивание энергии — это не просто результат «плохого выбора» или «неэтичных действий», а неизбежная статистическая вероятность, связанная со сложностью. Чем сложнее и разумнее становится жизнь, тем большую цену ей, возможно, придется заплатить в конфликте.

Цепочка подозрений [не связана] с моралью и социальной структурой самой цивилизации. Достаточно представить каждую цивилизацию как точку в конце цепи. Независимо от того, являются ли цивилизации внутренне доброжелательными или злонамеренными, когда они попадают в паутину, образованную цепями подозрений, они все идентичны ... Подводя итог: во-первых, ваша осведомленность о моем существовании, а во-вторых, ваше существование, оба опасны для меня.¹⁴

Теория «темного леса» Интернета — это риск, связанный с тем самым паспортом, который необходим нам для входа в наше повседневное киберпространство: общение, проверка себя, рассказ о себе, раскрытие или сокрытие своих координат. Это не план выигрышной игры и не план «перемен», а описание. (Нормативные теории о том, каким должен быть мир в его идеальном состоянии, лучше оставить священникам и утопистам). Веб 2.0 опирается на две аксиомы. Во-первых, социальность — это первичная потребность человека, общение необходимо для выживания. Во-вторых, социальность является носителем всех человеческих конфликтов. Больше социальности — больше энтропии. Наши нервные системы не могут провести различие между социальностью и выживанием, и поэтому мы приговорены друг к другу. Интернету выпала эта гибельная рука.

Когда общение — это все, мысли, выраженные в языке, наделены уникальной силой. Мы рисуем их, как карты, которые должны вести других в наши умы и сердца. Но действительно ли мысли отражают наши убеждения или нас самих? Мысли — это опыт мозга.

С их помощью мы переходим от одного момента к другому, ощущаем, как проходит мгновение. Им не нужно накладывать на нас свой отпечаток, даже если каждый из них увековечен в безжизненном сиянии киберпространства. И все же, застыв, они укрепляют галлюцинацию «я» — «неопровержимое доказательство» того, что оно «существует», верит в вещи, имеет убеждения и дела. Трансцендентальная галлюцинация, общая для всех нас, поддерживаемая коммуникативным интерфейсом, через который мы живем. Уделяя излишнее внимание мыслям, особенно тем, которые мы считаем своими, «мы не только обманываем себя, но и обманываемся в том, что у нас есть «я»»¹⁵. Теория «темного леса» Интернета обходит это заблуждение и вместо этого описывает автоматическую динамику, связанную с коммуникацией.

Будучи изолированной системой, он склоняется к высокоэнтропийному варианту. Связь порождает конфликт. Намерения, враждебность или внутренняя доброжелательность не имеют значения, если каждый из нас сведен к узлу в кибернетической цепи подозрений. Чтобы сигнализировать о «безопасной» социальности, каждый пользователь должен быть разборчив в своей практике самопрезентации; каждый должен заявить о себе. Система леса должна уметь читать нас, как и других пользователей. *Что у вас на уме?* Мы постоянно и подробно описываем свои мысли. Но эта разборчивость означает, что наши координаты открыты. Нас могут увидеть, атаковать и управлять нами.

Чем подробнее наши описания, тем легче нами управлять. Чем больше нас видят, тем легче нам стать мишенью.